

И.Е. КозноваИнститут философии Российской академии наук,
109240 г. Москва, Российская Федерация

Культурные аспекты сельско-городского взаимодействия (на материалах крестьянского отходничества начала XX века)

На основе различных документов коллективного и личного происхождения начала XX в., исходящих из деревенской среды Европейского Центра России, рассматриваются представления крестьян о собственной неземледельческой деятельности, главным образом в связи с отходничеством в города. Выявляются социальные, культурные, поколенческие, психологические проявления последствий урбанизации и миграции крестьян. Они свидетельствовали о начавшемся цивилизационном сдвиге, связанном с универсализацией и усложнением общественных связей, их индивидуализацией. Обращается внимание на антропологические аспекты культурно-исторических изменений. Отходничество делало актуальной проблему личного выбора крестьянина в отношении его хозяйства, семьи, традиции, культурных ориентиров. Основное внимание уделяется восприятию крестьянами новаций, явившихся следствием сельско-городского взаимодействия в изменившихся исторических условиях. Показывается, как это взаимодействие влияло на деревенскую среду, закладывая предпосылки для постепенного формирования в стране массового общества потребления.

Ключевые слова: Россия начала XX века, Европейская часть России, русское крестьянство, крестьянское хозяйство, патриархальный уклад, земледельческая культура, неземледельческая деятельность, промыслы, отходничество, Московская губерния, крестьянское сознание, российский цивилизационный процесс, городская культура

© Кознова И.Е., 2022

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Кознова И.Е. Культурные аспекты сельско-городского взаимодействия (на материалах крестьянского отходничества начала XX века) // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2022. Т. 13. № 1. С. 39–55. DOI: 10.31862/2500-2988-2022-13-1-39-55

DOI: 10.31862/2500-2988-2022-13-1-39-55

I.E. Koznova

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences,
Moscow, 109240, Russian Federation

Cultural aspects of rural-urban interaction (based on the materials of the peasants' seasonal work at the beginning of the XX century)

The article deals with the peasants' ideas about non-agricultural activities in the early XX century in the European Center of Russia. The main attention is paid to migrants to the cities. Various peasant documents of collective and personal origin are used. Social, cultural, generational, and psychological manifestations of the consequences of urbanization and peasant migration are revealed. They are evidence of civilizational shifts. Attention is paid to the anthropological aspects of cultural and historical changes. Work in the city made the problem of the peasants' personal choice in relation to his economy, family, tradition, and cultural landmarks urgent. The article considers the peasants' perception of innovations in rural-urban interaction. This interaction laid the prerequisites for the gradual formation of a mass consumer society in Russia.

Key words: Russia at the beginning of the 20th century, the European part of Russia, Russian peasantry, peasant economy, patriarchal way of life, agricultural culture, non-agricultural activities, crafts, seasonal work, Moscow province, peasant consciousness, Russian civilizational process, urban culture

FOR CITATION: Koznova I.E. Cultural aspects of rural-urban interaction (based on the materials of the peasants' seasonal work at the beginning of the XX century). *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2022. Vol. 13. No. 1. Pp. 39–55. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2988-2022-13-1-39-55

Промыслово-отходническая деятельность русских крестьян была важной составляющей частью экономики их хозяйств в дореволюционной России. Самые разнообразные формы неземледельческой занятости формировали различные поведенческие стратегии, способствовали взаимному культурному обмену между городом и деревней, регионами страны.

В современной историографии продолжается обсуждение вопроса о содержании понятия «неземледельческая деятельность» крестьян в конце XIX – начале XX вв., места и роли подобной деятельности в хозяйственной организации крестьянского двора, соотношении его производственной и потребительской структуры; на общероссийском и региональном материале изучаются формы крестьянской неземледельческой занятости, их локальное разнообразие; анализируется влияние промыслов и отходничества на социально-экономическую эволюцию деревни; рассматривается связь отходничества с процессом формирования промышленного пролетариата в стране [1; 6; 10; 16; 17; 26]. Неземледельческая деятельность исследуется в контексте складывания кластерно-промысловой социокультурной среды с ее типичными чертами и особенностями [3]. Что касается культурных факторов, то внимание исследователей привлекают вопросы влияния неземледельческого отхода на трансформацию культурной традиции города и деревни в пореформенный и предреволюционный периоды, механизмы адаптации крестьян в новой культурной, преимущественно столичной, среде; на примере изменения предметного мира, семейных отношений, образа жизни исследуются социально-культурные последствия отходничества для российской деревни [14, с. 327–359; 23; 24; 27; 28].

Вместе с тем, вопрос о поведении крестьянства в контексте его промыслово-отходнических занятий нуждается в развитии и дополнении с точки зрения восприятия крестьянами взаимодействия, новаций, вызванных цивилизационными сдвигами в стране. В настоящей статье ставится задача проследить антропологические аспекты подобного взаимодействия.

Если судить по воспоминаниям сельских жителей второй половины XX в., неземледельческая деятельность – при определенных различиях в промышленном и земледельческом регионах – представляла собой

в начале XX в. густую сеть, охватывающую значительное пространство Европейской России. Привнося новые моменты в деревенскую и городскую повседневность, способствуя формированию разнообразных навыков населения, она постепенно меняла хозяйственный строй страны [2; 20].

Проблема неземледельческой деятельности крестьян обсуждалась местными комитетами о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Как правило, своды постановлений губернских и уездных комитетов содержали конкретные предложения, направленные на поддержание кустарных и отхожих промыслов крестьян, отмечалась и их непосредственная связь с земледелием (пункты Щ и Ю). Не останавливаясь на них специально, коснемся антропологических аспектов проблемы, которые выражены в адресованных в комитеты записках крестьян. Представляют интерес записки, поступившие в Московский губернский комитет, при этом они содержали целый спектр мнений. Так, в записках крестьян Звенигородского уезда содержались критические оценки сложившейся системы кустарного производства. Как отмечал неграмотный крестьянин И.Г. Крюков, соображения которого были изложены по его просьбе другим лицом, главная причина подобного положения состояла в «круглом невежестве и темноте нашего брата»¹. И в земледелии, и в кустарных занятиях крестьянин привержен традиции: «Отец мой так делал, и я так делаю, это у нас исстари ведется»². Его записка содержала конкретные предложения, направленные на развертывание крестьянской промыслово-кустарной и земледельческой деятельности в их тесной взаимосвязи, включая развитие специального образования³. Нелишне отметить, что подобная мысль содержалась и в материалах комитетов других регионов.

Высказывалась и охранительная позиция в отношении неземледельческой деятельности, в том смысле, что поддержание кустарных промыслов рассматривалось в качестве возможности удержания крестьян в деревне. В Московской губернии она была достаточно развернуто представлена соображениями уездного исправника Н.А. Зверева (Верейский уезд)⁴. Он с убежденностью писал, что «нужно не поощрять, а положительно затруднить отхожие промыслы, т.к. все, не только молодые, но и пожилые, уходя на сторону и *живя там без всякого надзора* (курсив наш. – И.К.), большей частью не только ничего не зарабатывают, но и возвращаются оттуда крайне избалованными, нравственно

¹ Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. XXIII. СПб., 1903. С. 306.

² Там же. С. 307.

³ Там же. С. 306–308.

⁴ Там же. С. 170–171.

развращенными и уже к крестьянскому труду нерачительны («от дела отбился»)»⁵. Зверева возмущало и пугало отсутствие власти отца над сыном-отходником, волновало, что хозяйство ведет женщина, в этом он видел одну из причин упадка крестьянского хозяйства, он упрекал деревенское начальство в бездеятельности. Крестьянин Звенигородского уезда И.Г. Горбачёв также был склонен негативно оценивать отход: «молодое поколение “проживают деньги”»⁶.

Записки других крестьян Звенигородского уезда оценивали положение иначе. П.Т. Медведев тоже сформулировал возникающие в связи с урбанизацией и миграцией крестьян в города проблемы социокультурного свойства, однако акценты расставлял по-другому. Главную проблему отхода он видел в тех требованиях, которые город, «современные усложнения экономической и общественной жизни»⁷ предъявляли индивиду-отходнику. Его не просто волновало положение, что новоявленный горожанин «становится предоставлен сам себе»⁸, а отсутствие образования, знаний и опыта у крестьян в ситуации разрыва патриархальных связей, когда человек сам отвечает за себя. Крестьянин П.С. Разорёнов видел выход в просвещении крестьян, позволяющем понять невозможность «жить во всем только по старине»⁹. Увеличение крестьянского землепользования и развертывание агротехнического образования способны поднять доходность земледелия и избавить от поиска сторонних заработков¹⁰.

Проблема неземледельческой деятельности затрагивалась в наказах и приговорах сельских сходов периода Первой русской революции. При анализе содержащихся в них крестьянских требований следует иметь в виду «закон жанра» – риторику обращенных к верховной власти документов. Стержневой в крестьянских требованиях была тема «земли и воли»; тема неземледельческих занятий крестьян и отходничества шла вторым планом. Тем не менее, из 300 опубликованных в сборнике документов десятая часть приговоров обращалась именно к ней. В научной литературе отмечается, что в условиях аграрного перенаселения (особенно в черноземных губерниях) и высоких земельных платежей (особенно в нечерноземных губерниях) «посторонние» заработки оставались не только самыми доступными, но и наиболее прибыльными

⁵ Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. XXIII. СПб., 1903. С. 170.

⁶ Там же. С. 310.

⁷ Там же. С. 309–310.

⁸ Там же.

⁹ Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. XXIII. СПб., 1903. С. 311.

¹⁰ Там же. С. 170–171, 308–314.

(прежде всего в столичных губерниях) [10, с. 309–315]. В приговорах заметно стремление привлечь внимание власти к положению крестьянских хозяйств в связи с промыслово-отходнической деятельностью и рассматривать последнюю в качестве составляющей крестьянских нужд (наряду с малоземельем). Актуальность ее была различной для крестьян земледельческих и промышленных губерний (приговоров, где затрагивалась данная тема, от последних было в три раза больше).

В понимании крестьян малоземелье лишало новые поколения основного источника существования, а потому несло угрозу привычному образу жизни, нарушало традицию, а также исполнение социальной миссии «кормильца». Между тем, крестьяне представляли себя перед лицом власти как «господ земли» [18, с. 56, 70, 143, 155, 178]. Поэтому большинство приговоров, в которых речь велась о неземледельческой деятельности крестьян, рассматривало последнюю как вынужденную, как альтернативу хлебопашеству, которая в случае получения крестьянами достаточного количества земли может быть свернута («крестьяне за трудоспособностью в люди не пойдут» [Там же, с. 35]; «неужели и дети, и внуки наши должны... продавать на сторону свои силы и труд, нужные для нашей земли» [Там же, с. 56]; «главной основой всего крестьянского благосостояния все-таки является хлебопашество») [Там же, с. 163]. Отмечалось негативное влияние отходничества и города, особенно на молодежь. В этом плане особенно показательны приговоры крестьян Петербургской губернии, в которых отмечалось, что «Питер их (детей. – И.К.) губит, они часто возвращаются домой больные и развращенные, не способные к земледелию» [Там же, с. 176]. Кстати, в трудах Санкт-Петербургского губернского комитета о нуждах сельскохозяйственной промышленности также говорилось о свободных рабочих руках, которые «будучи неподготовленными, подвергаются опасностям и искушениям городской жизни»¹¹. В целях противостояния негативным тенденциям орловские крестьяне предлагали изменить паспортную систему, усилить патриархальную власть большака, «предоставив полное право главе семейства держать в надлежащем подчинении своих детей и воспитанников» [Там же, с. 352].

Существовали приговоры, в которых «фабричный труд» представлялся важным дополнением к «труду земледельческому». Наконец, звучала мысль о необходимости рационализации неземледельческой деятельности крестьян. Владимирские крестьяне рассматривали подобную деятельность в качестве желательной перспективы для крестьянских детей.

¹¹ Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. XXXVI. СПб., 1903. СПб., 1903. С. 18–19.

Из Тверской губернии высказывалось пожелание устройства постоянных зимних заработков; при этом характерно как позитивное восприятие города, так и стремление к интенсификации крестьянского хозяйства [18, с. 33, 56, 69–70, 272].

Проблема оценки влияния отходничества на крестьянское хозяйство до сих пор остается дискуссионной. Отходничество наряду с другими «сторонними» доходами создавало противоречивое положение: оно подрывало патриархальный уклад деревни, и оно же до поры до времени поддерживало его существование [1; 8; 17, с. 42–43, 199–239; 19, с. 121]. Крестьяне в ряде регионов, например, в Рязанском крае, воспринимали промыслы и отход во многом как нечто временное, характеризуя сложившуюся ситуацию следующим образом: «От сохи на время». Доходы от местных промыслов были такими, что сельские жители только формально принадлежали к крестьянскому сословию. Занятие промыслами заметно сказывалось на благосостоянии крестьянских хозяйств Рязанского края (обзаведение каменным домом, городской одеждой и обувью, предметами быта, самоваром и пр.), а также на уровне грамотности. Но одновременно отходники приносили к себе в деревню «долгу дурного влияния»; отходничество, прежде всего молодых людей, негативно сказывалось на крестьянской семье и общественной жизни села. Отмеченное подрывало крестьянский уклад, способствовало раскрестьяниванию [8]. Схожая ситуация фиксируется и по другим регионам [1; 17]. Вместе с тем, в литературе обращается внимание на ротационный характер отходничества, способствующего поддержанию крестьянского хозяйства, но одновременно порождавшего в деревне новый образ жизни. Последний обладал чертами особого социума, имевшего характер социального симбиоза и циклическую динамику [13].

Город (особенно столицы), если судить по источникам, привлекал крестьян двумя обстоятельствами. Во-первых, возможностью высоких заработков, во-вторых, другим образом жизни, зачастую воспринимаемым как сытый и праздный. Характерно суждение одного рязанского мужика 28–30 лет по этому поводу: «Жалованье там большое и ходят (одеваются) там хорошо и всего там много, чай питье, еда не такие как в деревне... и всего, дескать, много...» [22, с. 103–104]. Как писал в своих воспоминаниях уроженец одного из ярославских сел, на вопрос матери, «ну, что, скотину пасти начнешь аль в Москву булки есть поедешь?», он, 12-летний подросток, ответил: «Кто от беленького-то откажется?» [23, с. 43]. И все же привлекательность города не ограничивалась потребительским измерением его потенциала (в том числе изменявшего быт деревни); приходило осознание невозможности «жить во всем только по старине» [15; 25].

Отходничество меняло личность крестьянина, особенно в неземледельческом регионе. Тверского крестьянина 1900-х гг. отличала от крестьян чисто аграрных губерний определенная развитость, бывалость, практическая сметка и любознательность, отсутствие деревенской робости [2, с. 252–253]. Возможно, в каких-то случаях возникала ситуация социокультурного раскола, когда по возвращении крестьянские мигранты не могли следовать своим новым взглядам и привычкам и вместе с тем уже были не в состоянии полностью принять старый распорядок жизни. Преодоление искушением городом решалось каждым крестьянином по-своему. На вопрос О.П. Семёновой-Тян-Шанской мужику, жалеет ли тот, что в свое время не попал в Москву, поскольку его, 25-летнего, не пустила мать, он ответил: «Хотелось, знамо; оно бы и теперь иной раз пошел, особливо как “наши” (деревенские) из Москвы придут – все рассказывают. Бывает и завидно станет. А не слышишь про Москву – и забудешь, что Москва такая есть. Живешь себе и не “вздумаешь” про нее» [22, с. 112].

По воспоминаниям уроженца Холмского уезда Псковской губернии (ныне – Торопецкий район Тверской области) Ф.А. Виноградова (1896–1987), в середине 1910-х гг. по совету родственников мать отправила его в Петроград, где Виноградов обучился сапожному ремеслу и городской культуре мещанского образца. В один из приездов домой он на многочисленных гуляньях в родной деревне и в соседних селах с большим щегольством демонстрировал перед местными девушками себя-франта («при шляпе, с тросточкой, белый шарфик» [5, с. 5]) и свою питерскую «культурность» (в частности, пройтись под ручку, угостить пивом, вином, печеньем, конфетами). Благодаря мастерству шить не только удобную, но и изящную обувь, а также своему облику («высокий, стройный, танцует» [Там же]), Виноградов быстро сделался привлекательным женихом. Многие матери из зажиточных семей стремились познакомить с ним своих дочерей. Однако, не оставляя гуляний, молодой Виноградов думал о другом: «Нет, надо оглядеться, что будет дальше, свой дом надо поднять, еще мать и брат, надо и поддерживать, пока я еще работать хорошо могу и денег заработать тоже, поднять свое хозяйство, а это дело – идти в чужие дома – это всякое время не поздно» [5, с. 6]. Город научил Виноградова не только франтовским манерам, но и мудрости. Он даже в онегинском духе дал отповедь юной и неразумной барышне: «Установить себя, сделаться самостоятельной девочкой, чтобы и соседи сказали, что вот наша познакомилась с молодым человеком, какая умная стала, уважительная, и разговор приятный стал, слушать интересно стало» [Там же, с. 7]. Виноградов даже дал девушке слово «держат ее в уме» [Там же, с. 8], пока будет

зарабатывать для подъема хозяйства. Вскоре он стал мастером-заготовителем леса, работа приносила неплохой заработок, он практически перестал сапожничать, но главное – «всех барышень знакомых стал забывать, все заводил свое сельское хозяйство» [5, с. 8]. Мать с братом работали дома, он помогал им деньгами. А потом мать нашла ему невесту в родной деревне: «Она рабочая, спокойная девушка, будет мне помогать» [Там же]. Пока Виноградов работал в лесной части, он построил хороший дом, которому и соседи завидовали, «стал хозяйство поднимать, заработки стали повышать, и дело пошло в гору. И вот и хозяйка молодая, рабочая, все старалась, и мамы легче стало, все за меня Богу молила, что я вина не пил, все старался в доме» [Там же].

Показательны также записки С.Т. Семёнова. Родившийся в Волоколамском уезде Московской губернии в конце 1860-х гг., он рано уехал на заработки сначала в Москву, потом в Петербург, жил и в других городах. Сильное впечатление на 18-летнего Семёнова произвело творчество Л. Толстого, особенно «народные рассказы», под их влиянием молодой человек покинул город, занялся крестьянским трудом, прожив в деревне более четверти века. Его дебют в качестве земледельца совпал по времени с возвратом многих крестьян Московской губернии к земле, когда они ощутили выгоду ведения сельского хозяйства, хотя им двигали иные мотивы [19, с. 112–113]. С.Т. Семёнов представлял собой новый тип «умных людей» – «интеллигентного крестьянина» [9, с. 38–40], развитого, образованного, критически мыслящего. Он был талантливым писателем, и в материальном смысле литературная деятельность стала для него своего рода подсобным промыслом, но прежде всего им владело стремление рационально хозяйствовать на земле. Это обстоятельство делало возможным использовать разные оптики при описании сельской жизни, представить ее одновременно как изнутри, так и со стороны.

Наблюдения Семёнова позволяют конкретизировать различные аспекты взаимодействия традиций и новаций в связи с земледельческой и неземледельческой деятельностью крестьян. Для Семёнова характерно неоднозначное восприятие города и отходничества, как, впрочем, и самой деревенской жизни. Это обстоятельство важно, поскольку он смог преодолеть существовавшую вначале идеализацию крестьянства и деревни.

Записи Семёнова охватывали значительный период в истории России – от Великих реформ до 1910-х гг. Это время «освоения» крестьянами городского пространства, «примеривание» его на себя, когда преимущественно внешнее приобщение к городской культуре, часто –

простое подражание городским нравам, сопровождалось изменениями более глубокого свойства. Все эти моменты предстают в воспоминаниях Семёнова в разных аспектах. Одно видение города пронизано скепсисом и негативизмом. Город с его «омертвляющей, механической жизнью среди людей, связанных одними материальными интересами» [21, с. 9] противопоставлялся деревне и «праведному трудами земледельцу» [Там же]. Фабричные с точки зрения их способности участвовать в сельскохозяйственных работах представлялись деревенским ущербными. Яркие примеры того, как город выявлял, оттенял в крестьянской натуре многие низменные и темные стороны, среди которых двойная мораль в отношении чужой собственности, хамство, рвачество и пр. [21, с. 6–13, 39–40]. Любопытны суждения Семёнова о влиянии крепостничества на сельско-городское взаимодействие, которые позволяют задаться вопросом: город делает крестьян такими или крестьяне со своими стандартами меняют городское социокультурное пространство? Нелишне напомнить, что подобная проблема – сквозная для всего периода российской модернизации, включая и советский период.

Влияние города на деревню было двойственным. По воспоминаниям Семёнова, городские привозили в деревню новые игры и песни, в которых не было «ни мелодии, ни содержания, ни смысла, ни движения человеческой души» [Там же, с. 24]. Среди них, в частности, следующая: «Не на то мальчик родился, чтоб работу работать, а на то мальчик родился, чтоб попить и погулять» – выражение «вольной» городской жизни [Там же]. Действительно, миграция в города актуализировала проблему «свободы», «воли» и сознательного выбора собственной судьбы [23, с. 89–90; 28, р. 451–452].

Когда «Великий перелом» рубежа 1920–1930-х гг. привел в движение значительные массы села, увеличивая городское население и усиливая проблему адаптации бывших крестьян в новой социокультурной среде, неслучайно появление в опубликованных тогда воспоминаниях о дореволюционном отходничестве наставлений отца сыну: «Письма пиши, книжки хорошие почитывай. В кабак совсем дорожку забудь. Иной раз в киятр сходи, газету почитай, уму-разуму научит» [7, с. 13–14]. Думается, напутствия насчет «киятра» были в данном случае, скорее, элементом советской пропаганды.

Семёнов писал и о том, что приезд отходников в деревню значительно оживлял местную жизнь, особенно в преддверии праздников. «Москвичи» приносили массу новостей, новые лубочные картины, которыми к Пасхе украшались избы, новые книги, обнови, наконец – деньги. Разумеется, близость столицы сказывалась: приобщение к тем или иным сторонам городской жизни проходило более быстрыми темпами.

Особенно это касалось городской моды и стремления деревенской молодежи пощеголять. Вместе с тем, рост потребностей отмечался Семёновым как важный стимул развития крестьянского хозяйства [21, с. 19–29, 128–130].

В контексте сельско-городской дихотомии представлены в воспоминаниях и сюжеты, связанные с влиянием отходничества на организацию крестьянского хозяйства. С.Т. Семёнов писал о нем в позитивном ключе. При этом благополучие для отходников начиналось со строительства нового, как правило, кирпичного, дома, а продолжением мог быть выход на хутора и отруба. Развитие нововведений шло главным образом при поддержке молодых хозяев, грамотных, поживших на стороне, «способных попроворней шевелить мозгами» [11, с. 115]. Не стоит забывать, что это ситуация Московской губернии, где три четверти хуторских и отрубных дворов имели в своем составе «промышленников» [Там же, с. 108].

Проблема традиций и новаций с точки зрения земледельческой и неземледельческой деятельности была представлена Семёновым как конфликт поколений, что отмечается и в исследованиях [8, с. 199–200]. Следует подчеркнуть, что культуре Модерна свойственно введение поколенческой проблематики, наполнение идеи поколения новым содержанием. Понятие «поколение» было переведено из родового (связанного с характеристиками жизненного цикла в рамках традиционалистски ориентированной малой локальной общности) в социально-исторический аспект, когда поколение связывалось с концептом культуротворчества. Традиция и новация – неотъемлемые составляющие поколенческой преемственности, тем не менее, Модерн их жестко противопоставил, декларируя разрыв поколений [12, с. 99–127].

Перу С.Т. Семёнова принадлежал ряд рассказов о т.н. «женской доле». Так, один из них, «Солдатка», повествовал о «падшей» женщине Агафье.

Однако существует возможность посмотреть на ситуацию Агафьи с другой стороны, обратившись к рукописи воспоминаний 66-летней уроженки с. Ярополец Волоколамского уезда, так называемому «тексту бытовой словесности». Публикаторы и комментаторы текста озаглавили его «Дневник бабушки Марфы» и датировали 1910–1915 гг. [4].

Повествование начинается с рассказа о смерти мужа автора записок, пожаре в доме и обстоятельствах, вынудивших ее уехать из деревни в Москву. Отходничество стало серьезным испытанием для героини, оставившей дома четверых детей и нанявшейся горничной в дом терпимости, что не поколебало, однако, ее основных моральных принципов. По мнению комментатора публикации, оказавшись на границе

традиционной крестьянской и городской жизни, Марфа приняла поэтику «жесточкого романа» для своего жизнеописания, которое предьявлялось с разными целями: пожаловаться, покаяться, оправдаться, поделиться знанием. Одним рефреном ее воспоминаний о нравах «заведения» стала фраза: «А я думаю я попала заживо во адъ». Вторым – «никакова выхода нету нада жить и нада детей растить да и строица нада» [4].

При этом одним из ключевых слов воспоминаний Марфы является слово «чай». Чай был одним из критериев хорошей жизни, и она включала возникшие жизненные затруднения, выразившиеся в невозможности пить чай, в число других, трагических, связанных со смертью мужа и пожаром. Заработок же позволял поддерживать традицию чаепития среди оставшихся в деревне детей. Чай был также той матрицей, которая определяла степень душевных и физических страданий Марфы-горничной: «Я вьсегда говорила что я нестоля чаю выпила за ети года (курсив наш. – И.К.) сколка слесь пролила» [Там же]. Жалея оторванных от дома и родных девушек, Марфа, сообразно со своей святой покровительницей Марфой Вифанской, пыталась наставить их на истинный путь, читала им вслух Евангелие при первой возможности. По большим праздникам «боже боже ты звонишь молица а у насъ лазливаная моря самый разгул» [Там же]. Марфа переживала, что девушками в «заведении» распоряжаются как собственностью, уговаривала их бросить свои занятия.

Результаты ее отходнических усилий были в общем впечатляющими: при заработке, доходившем в некоторые месяцы до 20 рублей («то что мне девица за мои услуги выпьросить у гостя то и мое»), она смогла и хозяйство поддерживать, и детей поднять, сына отдать в учение: «Годъ пожила избу покрыла другой пожила дворъ построила третий пожила аньбарь для хлеба поставила четвертай пожила детей всех адела» [Там же]. Еще хватало на уплату «аброку» и на наем в хозяйство трех работников. Марфа землю «некидала а работала я нанимала а дочери работали» [Там же]. Ее кредо: «чтоба дети приучалися к работи ато замушь не возьмутъ» [Там же]. Марфа ездила домой ежегодно на две недели; этот срок поднимал жизненную планку на новый уровень, хотя движение было подобно замкнутому кругу: потребности вырастающих детей и хозяйства были постоянными. Ближе к старости Марфа поселилась в одной из пустынь около Москвы. По-монастырски скромная, но более-менее сытная жизнь с чтением духовных книг Марфу устраивала. А жизнь повзрослевших детей не складывалась. Воспринимая свою прежнюю работу как греховную, она видела возмездие свыше в том, что

в своем возрасте, когда, как вероятно полагала она, после всего пережитого, можно было рассчитывать на определенное жизненное устройство, судьба наносила ей новые удары. Марфа считала заплаченную ею символическую цену высокой, не могла примириться с несправедливостью и выставляла свои аргументы: «Но я жила вьсю жись трезва и чужова мужа незнала богъ меня сохраниль оть блуда. Вино пила когда устану пиридь абедомь и ужинамь. Но не покупала а пила хозяйское и то невьсегда. Я не съела коньфеты когда мне давали девицы а берегла детямь. Я сыта а оне голоднаи и я посылала имь все что мне давали какой абносок старой тоже имь» [4]. Однако шлейф от «неправедного» заработка тянулся и дальше: «И теперя кто съпросит где жила вь Москве стыдна сказать да и болши молчишь. А то соврешь...», вынуждая признаваться себе (и другим, поскольку воспоминания, адресовались ближним и дальним потомкам – «детушкам») в чем, собственно, заключался грех – в том, что «я тамо видила и слышила» [Там же].

К слову, по свидетельству И. Столярова, крестьяне его родного воронежского села Карачун считали постыдной и позорной работу полового, присутствовавшего при «богомерзких сценах», причем не только для того, кто нанимался служить половым, но и для всей его семьи [25, с. 434].

Хотя Марфа не требовала от судьбы невозможного, ее жизнь сложилась не лучшим образом. Она рассчитывала на помощь любимого младшего сына, на здоровье и обучение которого не жалела сил и средств, однако тот с женой «хлеба не дают а посылають кь дочери на зиму на хлебы» [4]. Дочь оказалась «бедная и самая нещасная изь женьщинь и сичась страдать», а что Марфа «пирижила у дочери вьсего не опишишь» [Там же]. Подъем хозяйства в надежные руки оказался под вопросом, а крестьянская традиция – под угрозой.

Сельско-городское взаимодействие в начале XX в., в которое крестьянство активно втягивалось благодаря промысловой миграции, имело неоднозначные последствия для российской деревни. Оно порождало особый образ жизни отходника и его семьи, содействовало росту его благосостояния и знаний, урбанизации его сознания, меняло нормы права в отношениях личности и земельной общины, трансформировало систему ценностей, расшатывало и подрывало сельскую патриархальность, традиционную культуру «малого общества», все интенсивнее включая его в «большое общество». Это взаимодействие способствовало как воспроизводству крестьянственности, так и раскрестьяниванию. Отходничество поставило на повестку дня актуальную для «века масс» проблему самосознания, ответственности человека за себя, сохранения им чувства собственного достоинства. Еще

один момент представляется важным с точки зрения тенденций общественного развития – новые формы неземледельческой занятости крестьян закладывали те импульсы, которые выводили российский социум на путь «общества потребления».

Библиографический список / References

1. Александров Н.М. Отхожие промыслы крестьян Верхнего Поволжья в конце XIX – начале XX века. Ярославль, 2007. [Aleksandrov N.M. Otkhozhiye promysly krestyan Verkhnego Povolzhya v kontse XIX – nachale XX veka [Seasonal works of the peasants of the Upper Volga region in the late 19th – early 20th centuries]. Yaroslavl, 2007.]
2. Анохина Л.А., Шмелева М.Н. Культура и быт колхозников Калининской области. М., 1964. [Anokhina L.A., Shmeleva M.N. Kultura i byt kolkhoznikov Kalininskoy oblasti [Culture and life of collective farmers in the Kalinin region]. Moscow, 1964.]
3. Верняев И.И. Промысловые кластеры как локальные этнографические группы: хозяйство, социум, культура и идентичность (Европейская Россия, середина XIX – первая треть XX в.) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2: История. 2011. Вып. 1. С. 47–84. [Vernyaev I.I. The handicraft industry clusters as the local ethnographic groups: Economy, society, culture, and identity (European Russia, mid 19th – the first third of the 20th century). *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. 2011. No. 1. Pp. 47–84. (In Rus.)]
4. Веселова И.С. «Дневник бабушки Марфы» как образец бытовой словесности. Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/veselova4.htm> (дата обращения: 04.05.2021) [Veselova I.S. “The Diary of grandmother Marfa” as a sample of everyday literature. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/veselova4.htm> (In Rus.)]
5. Виноградов Ф.А. «Ну теперь, барышни, пройдемте по гуляню...» / Публ. О.Р. Виноградова // Живая старина. 2000. № 4. С. 4–8. [Vinogradov F.A. “Well, now, young ladies, let’s go through the walk...”. Publication by O.R. Vinogradov. *Zhivaya starina*. 2000. No. 4. Pp. 4–8. (In Rus.)]
6. Водарский Я.Е., Истомина Э.Г. Сельские кустарные промыслы Европейской России на рубеже XIX–XX столетий. М., 2004. [Vodarsky Ya.E., Istomina E.G. Rural handicrafts of European Russia at the turn of the XIX–XX centuries]. Moscow, 2004.]
7. Горячев И.В. Один из многих. М., 1930. [Goryachev I.V. Odin iz mnogikh [One of many]. Moscow, 1930.]
8. Иникова С.А. Промысловая деятельность рязанских крестьян и крестьянская торговля // Русские Рязанского края. Т. 1. М., 2009. С. 168–211. [Inikova S.A. The commercial activity of Ryazan peasants and peasant trade. *Russkiye Ryazanskogo kraja*. Vol. 1. Moscow, 2009. Pp. 168–211. (In Rus.)]
9. Кабытов П.С. Русское крестьянство в начале XX в. М., 1999. [Kabytov P.S. Russkoye krestyanstvo v nachale XX v. [Russian peasantry at the beginning of the XX century]. Moscow, 1999.]

10. Кесслер Х. Крестьянская миграция в Российской империи и Советском Союзе. Отходничество и выход из села // Социальная история. Ежегодник, 1998/99. М., 1999. С. 309–336. [Kessler H. Peasant migration in the Russian Empire and the Soviet Union. Otkhodniki and exit from the village. *Sotsialnaya istoriya. Yezhegodnik*. Moscow, 1999. Pp. 309–336. (In Rus.)]
11. Ковалёв Д.В. Аграрные преобразования и крестьянство столичного региона в первой четверти XX века (на материалах Московской губернии). М., 2004. [Kovalev D.V. Agrarnyye preobrazovaniya i krestyanstvo stolichnogo regiona v pervoy chetverti XX veka (na materialakh Moskovskoy gubernii) [Agrarian transformations and the peasantry of the capital region in the first quarter of the XX century (based on the materials of the Moscow Province)]. Moscow, 2004.]
12. Козлова Н.Н. Социально-историческая антропология. М., 1999. [Kozlova N.N. *Sotsialno-istoricheskaya antropologiya* [Socio-historical anthropology]. Moscow, 1999.]
13. Курцев А.Н. Ротационный характер отходничества крестьян России на рубеже XIX–XX вв. // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2007. № 8 (39). Вып. 4. С. 93–97. [Kurtsev A.N. Rotary character of peasants, deviation in Russia at the border of the XIX–XX centuries. *Nauchnyye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Ekonomika. Informatika*. 2007. No. 8 (39). Issue 4. Pp. 93–97. (In Rus.)]
14. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Изд. 3-е. Т. 1. СПб., 2003. [Mironov B.N. *Sotsialnaya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.)* [Social history of Russia during the period of the empire (XVIII – early XX century)]. Vol. 1. St. Petersburg, 2003.]
15. Моисеев А.Г. Прошлое села Кузьмина. Хроника семьи Моисеевых. М., 1999. [Moiseev A.G. *Proshloye sela Kuzmina. Khronika semi Moiseyevykh* [Past of the village of Kuzmin. Chronicle of the Moiseev family]. Moscow, 1999.]
16. Неземледельческая деятельность крестьян и особенности российского социума. XXX сессия симпозиума по аграрной истории Восточной Европы: Тезисы докладов и сообщений. М., 2006. [Nezemledelcheskaya deyatel'nost' krestyan i osobennosti rossiyskogo sotsiума. XXX sessiya simpoziuma po agrarnoy istorii Vostochnoy Yevropy. Tezisy докладov i soobshcheniy [Non-agricultural activities of peasants and features of the Russian society. XXX session of the symposium on the agrarian history of Eastern Europe]. Abstracts of reports. Moscow, 2006.]
17. Никулин В.Н. Крестьянские промыслы на Северо-Западе России (вторая половина XIX – начало XX века). СПб., 2017. [Nikulin V.N. *Krestyanskiye promysly na Severo-Zapade Rossii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka)* [Peasant crafts in the North-West of Russia (the second half of the XIX – beginning of the XX century)]. St. Petersburg, 2017.]
18. Приговоры и наказания крестьян Центральной России. 1905–1907 гг.: Сб. документов / Сост. Л.Т. Сенчакова. М., 2000. [Prigovory i nakazy krestyan Tsentralnoy Rossii. 1905–1907 gg. [Sentences and orders of the peasants

- of Central Russia. 1905–1907]. Collected documents. L.T. Senchakova (ed.). Moscow, 2000.]
19. Рындзюнский П.Г. Крестьяне и город в капиталистической России второй половины XIX века. (Взаимоотношение города и деревни в социально-экономическом строе России). М., 1983. [Ryndzyunskiy P.G. Krestyane i gorod v kapitalisticheskoy Rossii vtoroy poloviny XIX veka. (Vzaimootnosheniye goroda i derevni v sotsialno-ekonomicheskom stroye Rossii) [Peasants and the city in capitalist Russia in the second half of the 19th century (The relation-ship between the city and the countryside in the socio-economic system of Russia)]. Moscow, 1983.]
 20. Село Вирятино в прошлом и настоящем. Опыт этнографического изучения русской колхозной деревни. М., 1958. [Selo Viryatino v proshlom i nastoyashchem. Opyt etnograficheskogo izucheniya russkoy kolkhoznoy derevni [The village of Viryatino in the past and present. The experience of ethnographic study of the Russian collective farm village]. Moscow, 1958.]
 21. Семёнов С.Т. Двадцать пять лет в деревне. Пг., 1915. [Semenov S.T. Dvadsat pyat let v derevne. [Twenty-five years in the country]. Petrograd, 1915.]
 22. Семёнова-Тян-Шанская О.П. «Жизнь Ивана»: Очерки из быта крестьян одной из черноземных губерний. Рязань, 1995. [Semenova-Tyan-Shanskaya O.P. «Zhizn Ivana»: Ocherki iz byta krestyan odnoy iz chernozemnykh guberniy [“The Life of Ivan”: Essays from the life of the peasants of one of the Chernozem provinces]. Ryazan, 1995.]
 23. Смурова О.В. Между городом и деревней: образ жизни крестьянина-отходника во второй половине XIX – начале XX века. Кострома, 2008. [Smurova O.V. Mezhdu gorodom i derevney: obraz zhizni krestyanina-otkhodnika vo vtoroy polovine XIX – nachale XX veka [Between city and country: The way of life of a peasant-otkhodnik in the second half of the XIX – early XX century]. Kostroma, 2008.]
 24. Смурова О.В. Неземледельческий отход крестьян в столицы и его влияние на трансформацию культурной традиции в 1861–1914 гг. Кострома, 2003. [Smurova O.V. Nezemledelcheskii otkhod krestyan v stolitsy i yego vliyaniye na transformatsiyu kulturnoy traditsii v 1861–1914 gg. [Non-agricultural withdrawal of peasants to the capitals and its influence on the transformation of the cultural tradition in 1861–1914]. Kostroma, 2003.]
 25. Столяров И. Записки русского крестьянина // Записки очевидца: Воспоминания, дневники, письма. М., 1989. С. 323–484. [Stolyarov I. Notes of the Russian peasant. *Zapiski ochevidtsa: Vospominaniya, dnevniki, pisma*. Moscow, 1989. Pp. 323–484. (In Rus.)]
 26. Тарновский К.Н. Мелкая промышленность дореволюционной России. Историко-географические очерки. М., 1995. [Tarnovskiy K.N. Melkaya promyshlennost dorevolyutsionnoy Rossii. Istoriko-geograficheskiye ocherki [Small industry in pre-revolutionary Russia. Historical and geographical essays]. Moscow, 1995.]
 27. Энгел Б. Бабыя сторона // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.). М., 1996. С. 75–91. [Engel B. Woman’s side. *Mentalitet i agrarnoye razvitiye Rossii (XIX–XX vv.)*. Moscow, 1996. Pp. 75–91. (In Rus.)]
 28. Engel B.A. Russian Peasant Views of City Life, 1861–1914. *Slavic Review*. 1993. Vol. 52. No. 3. Pp. 447–459.

Статья поступила в редакцию 04.06.2021, принята к публикации 23.11.2021
The article was received on 04.06.2021, accepted for publication 23.11.2021

Сведения об авторе / About the autor

Кознова Ирина Евгеньевна – доктор исторических наук, доцент; ведущий научный сотрудник Сектора философии культуры, Институт философии Российской академии наук, г. Москва

Irina E. Koznova – Dr. Hab. in History; Leading Research Fellow at the Department of Philosophy of Culture, Institute of Philosophy of RAS, Moscow, Russian Federation

E-mail: i.koznova@mail.ru